

Кривоус Татьяна Владимировна, Новикова Альбина Алексеевна

**ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ИНФЕРНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ
"ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА"**

Статья посвящена изучению языковой маркировки "пограничных" пространств и их влияния на человеческую природу в повести Н. В. Гоголя "Пропавшая грамота". Называются лексические меты "пороговости" амбивалентных территорий. Устанавливается, что ключевым знаком "заколдованных" мест являются семы со значением "вино".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 31-33. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 82.09

Статья посвящена изучению языковой маркировки «пограничных» пространств и их влияния на человеческую природу в повести Н. В. Гоголя «Пропавшая грамота». Называются лексические меты «пороговости» амбивалентных территорий. Устанавливается, что ключевым знаком «заколдованных» мест являются семы со значением «вино».

Ключевые слова и фразы: языковой маркер; номинации имплицитной хтонической окраски; контекстуальные синонимы; «пороговое», лиминальное, «заколдованное» пространство.

Кривоус Татьяна Владимировна

Новикова Альбина Алексеевна, к. филол. н., доцент

Школа педагогики Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) в г. Уссурийске

t.krivous@mail.ru; novikallex.49@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ИНФЕРНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА»

Особенность человеческого мировосприятия проявляется в его языковой картине мира, ведущую роль в формировании которой играет лексика. Этот факт давно установлен лингвистами, к примеру Н. Н. Гончаровой [5]. Следовательно, изучать язык художественного произведения без обращения к мировоззрению автора невозможно.

Убежденность Н. В. Гоголя в существовании двух противоборствующих вселенных, силы которых неизбежно влияют на человеческую сущность, нашла отражение в его индивидуально-авторской мифологизированной языковой картине мира. Специфика мифопоэтического восприятия действительности писателем, особенно выразительно проявившаяся в цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», отчетливо раскрывается в изображении пространства, как истинно потустороннего, так и обладающего амбивалентной природой.

Манера предьявления Н. В. Гоголем в романтических повестях территорий, наделённых инфермальными характеристиками, становится объектом наблюдений не только для литературоведов, но и для лингвистов. К вопросу двойственности «заколдованных мест» исследователи подходят по-разному.

Так, Т. А. Волоконская называет особенности «порогового» пространства: оно может навсегда остаться нечистым местом, избавиться от которого невозможно («развалившийся шинок»), или стать «местом испытания человеческой души», откуда герой возвращается духовно обновлённым (Вакула, Левко) либо поработавшим нечистой (Петрусь, отец Катерины) [3, с. 63].

Е. В. Черкашина и И. И. Чумак-Жунь классифицируют пространственные номинации, наделённые в художественном мире Н. В. Гоголя ирреальными свойствами. Исследователи выделяют лексемы, называющие собственно-инфермальное пространство (ад – пекло); границу (шинок); «убежище» демонического персонажа, маркирующееся эпитетами «бедный», «старый», «страшный»; открытое пространство, которым может оказаться любое место рядом с человеком (ярмарка, овраг, пруд, горы, ночное небо, яр, лес). Тип такой территории локализации нечистой силы, считают лингвисты, преподносится рассказчиком с точки зрения носителя украинской культуры [10, с. 21-25].

О. Н. Болотникова акцентирует внимание на манере изображения Гоголем человеческого жилища, превратившегося во вместилище демонических сил. Маркерами хтонической природы такого пространства является, во-первых, отсутствие в нём быта, а во-вторых, «репрезентация обстановки помещения через отстраняющее восприятие героя/повествователя», то есть описание места, увиденного как бы извне (например, представление сатанинской обители колдуна в повести «Вечер накануне Ивана Купала») [1, с. 156].

Однако нет исследования, в котором специфика обозначения Гоголем «лиминальных» пространств (термин О. Н. Болотниковой) была бы подробно рассмотрена на примере отдельной повести из цикла «Вечеров...», поэтому цель нашей работы – обозначить и прокомментировать манеру маркировки Гоголем пороговых территорий в повести «Пропавшая грамота».

Призрачность границ между потусторонним и посюсторонним миром в названном произведении Н. В. Гоголя особенно выразительно проявляется на лексическом уровне, отличительной особенностью которого являются слова имплицитной хтонической окраски, раскрывающие своё вторичное мифологическое содержание только при взаимодействии с контекстом повести. К таким номинациям мы относим семы со значением «вино», выполняющие в данном произведении функцию маркеров лиминальных пространств.

Ярмарка в представлении Н. В. Гоголя – место нечистое. Там царствует обман, а люди предаются пьянству и разгулу, превращая эту территорию в межвселенский портал. По народным убеждениям, «к изобретениям дьявола относятся многие могущественные средства соращения людей, прежде всего вино, водка, табак» [7, с. 170], а значит, ярмарка – место испытания человека бесовскими соблазнами. Не случайно, находясь на её территории, один из персонажей повести, дед, поддавшись демоническому искушению («Попойка завелась, как на свадьбе перед постом великим»), сбивается с истинного пути («Совсем уж было позабыл про путь свой») [4, с. 60].

Ярмарка – скрытое за реальной действительностью окно в иной мир. Она оказывается не только местом, предназначенным для купли-продажи человеком нужных ему товаров. Маркируя рынок запорожцем, продавшим

душу дьяволу, Гоголь интерпретирует торговую площадь как бесовскую территорию купли человеческих душ. Подписав договор с нечистым, запорожец до выхода срока своей земной жизни вынужден находиться в пограничном пространстве между мирами: «В “запорожье” этимологизирован порог, переступаемый героем по пути в загробное запорожье», – справедливо замечает М. Я. Вайскопф [2, с. 106].

В мировоззрении славян поле – одно из мест локализации нечистой силы. Н. В. Гоголь маркирует инфернальную природу данного пространства, указывая на шинок, там расположенный, повернув направо от которого можно попасть в загробный мир: «близко шинка будет поворот направо в лес. Только станет в поле примеркать, чтобы ты был уже наготове. Там и увидишь кого нужно... – рассказывает деду шинкарь» [4, с. 61-62].

Шинок – истинно дьявольская территория жатвы бесами человеческих душ, обольщённых напитком, придуманным Сатаной (по народным убеждениям, «души опившихся вином поступают в полное распоряжение дьявола») [6]. Маркером паранормальной природы питейного заведения помимо его аскетического месторасположения и дьявольской сущности является всезнающий шинкарь, мифологическая роль которого переключается в повести «Пропавшая грамота» с функцией Бабы-Яги как хранительницы «сторожевой заставы в царство смерти» – так раскрывает роль ведьмы в русских народных сказках В. Я. Пропп [8, с. 152].

Как и в сказке, где герой ночует в избушке лесной ведьмы, дед проводит ночь в шинке. Однако в отличие от фольклорного персонажа, который, пройдя испытание смекалки и находчивости, получает от Бабы-Яги желанное сакральное знание о дороге в потустороннее царство, дед, попадая в питейный дом, продолжает попойку, начавшуюся на ярмарке («спросивши треть ведра на троих, отправился в сарай») [4, с. 61]. В результате он теряет как послание к царице, так и духовную грамоту, приобретая взамен смертельно опасное и жизненно необходимое теперь для него демоническое знание о дороге в загробный мир.

Старику удаётся вернуться из пекла живым, однако факт общения человека с нечистым не может пройти бесследно. Данную мысль Н. В. Гоголь передаёт через контекстуальные синонимы «дом» – «душа», объединённые инфернальной семантикой «охраны», «преграды», «оберега». Дом – «средоточие основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода» [9]. Человек, заботящийся о чистоте, порядке и мире в своём жилище, поддерживает его защитную функцию. Душа – вместилище сакрального христианского знания, которым человек может оградить себя от нечистой силы только в случае сохранения своего внутреннего мира светлым, незапятнанным дурными мыслями и поступками.

Дед, побывав в аду, пережив временную духовную смерть, по возвращении домой побеспокоился только о чистоте внешней. Сначала он перекрестился, а после умылся водой: «Обмывшись хорошенько, входит он потихоньку в хату» [4, с. 65]. Однако старик не позаботился о том, чтобы отмолить тяжкий грех со своей души в церкви, не обезопасил своего жилища от демонического вторжения, дав лишь обещание: «Нужно, вижу, будет освятить нашу хату» [Там же]. Сакральная сила старика ослабла, и то, что ежегодно творится в его доме точно в день пребывания гонца в пекле, является, на наш взгляд, не только наказанием, но и напоминанием о могуществе чёрта над человеком, обладающим слабым духом.

Посредством образа дедовского дома, сменившего функцию оберега от потусторонних сил на характеристику «заколдованного» места, маркером которого становится его хозяин, сумевший вернуть грамоту, но не восстановить свою духовную защиту, убеждение Гоголя проявляется отчётливо: нечистая сила вовсе не всемогуща, однако она очень коварна. Единожды оступившегося человека, позволившего лукавому себя одурачить, чёрт будет искушать постоянно.

Таким образом, можно заключить, что человеческая душа в течение всей своей земной жизни является объектом постоянной борьбы тёмных и светлых миров. Это абсолютное убеждение писателя выразительно раскрывается в его манере изображения лиминальных пространств, оказавшись в которых люди, сами того ещё не ведая, вступают в борьбу с нечистым за собственный внутренний мир. Однако человек, обладающий светлым разумом и чистой душой, в представлении Гоголя, непременно разглядит демоническую мету «пороговых» территорий.

Список литературы

1. Болотникова О. Н. Дом, дверь и окно в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя и восточнославянская семиотика жилища // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 153-176.
2. Вайскопф М. Я. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 686 с.
3. Волоконская Т. А. Мотив заколдованного места в малороссийских циклах Н. В. Гоголя: от описаний к поискам первопричины // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2012. Т. 12. № 4. С. 61-64.
4. Гоголь Н. В. Повести; Ревизор; Женитьба. М.: Худож. лит., 1984. 526 с.
5. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396-405.
6. Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.upur.net/blog/zelenin-1995/> (дата обращения: 29.07.2016).
7. Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб.: Петербургский писатель, 1995. 640 с.
8. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 335 с.
9. Топорков А. Л. Дом [Электронный ресурс] // Дом Сварога: словарь. URL: <http://pagan.ru/slowar/d/dom0.php> (дата обращения: 29.07.2016).
10. Черкашина Е. В., Чумаков-Жунь И. И. Языковые механизмы создания образа ирреального пространства в индивидуально-авторской картине мира (на материале ранних произведений Н. В. Гоголя) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2012. № 3. С. 19-26.

LANGUAGE MARKERS OF INFERNAL SPACE IN N. V. GOGOL'S STORY "THE LOST LETTER"

Krivous Tat'yana Vladimirovna

Novikova Al'bina Alekseevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
School of Pedagogics of Far Eastern Federal University in Ussuriysk
t.krivous@mail.ru; novikalex.49@mail.ru

The article is devoted to the language marking of "border" spaces and their impact on human nature in N. Gogol's story "The Lost Letter". The authors single out lexical marks of the "border nature" of ambivalent areas. It is stated that the key sign of the "bewitched" places is semes with the meaning "wine".

Key words and phrases: language marker; nominations of implicit chthonic colouring; contextual synonyms; "border", liminal, "bewitched" space.

УДК 82/821.0

В статье рассматриваются некоторые особенности рецепции личности и творчества Л. Н. Толстого в начале XX в., обусловленные как изменениями в творчестве позднего Толстого, так и характерным для критики Серебряного века акцентированием интереса к личности, повседневной жизни, отодвигающим на второй план собственно его художественное творчество. Для всестороннего изучения восприятия Толстого необходимо привлечение не только «вершинных» достижений модернистской критики (исследование Д. С. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский»), но и текстов литераторов второго ряда, в том числе принадлежащих к кругу В. Розанова, среди которых имена П. Перцова и В. Кигна (Дедлова).

Ключевые слова и фразы: Л. Толстой; П. Перцов; В. Кигн (Дедлов); репутация; литературная критика; герой.

Крылов Вячеслав Николаевич, д. филол. н., профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
krylov77@list.ru

**ИЗ ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА ЛЬВА ТОЛСТОГО
В МОДЕРНИСТСКИХ КРУГАХ НАЧАЛА XX ВЕКА (П. ПЕРЦОВ, В. КИГН)**

К концу XIX – началу XX века в русской критике по отношению к Л. Толстому устойчиво закрепляется следующая особенность: внимание к его личности, религиозным взглядам, общественной деятельности значительно перевешивает интерес к его художественному творчеству. Несколько переиначивая высказывание З. Гиппиус, отнесенное к М. Горькому, можно сказать, что для Серебряного века *писатель* Толстой давно заслонен *деятелем* Толстым. Литературная критика практически всех направлений и течений выразила такую характерную тенденцию критики литературной жизни начала XX века, как интерес к личности писателя. В XIX веке критика воспринимала писателя не столько как личность, сколько как явление, поэтому черты литературной жизни, «особые формы быта, человеческих отношений и поведения, порождаемые литературным процессом и составляющие один из его исторических контекстов» [5, с. 194], практически никак не осознавались. «Художник теперь сам как бы создавал эталон жизненного поведения – своей личностью, обликом героя своего творчества. И сами факты личной и общественной жизни писателя привлекали теперь гораздо более активное внимание» [3, с. 17]. Но по отношению к Л. Толстому указанная тенденция проявила себя особенно показательно. Критик Виктор Русаков (псевдоним В. Ф. Либровича) отмечал: «Можно смело утверждать, что ни один писатель – не только из русских, но и иностранных – как личность не возбуждает такого интереса, как граф Л. Н. Толстой. Мельчайшие подробности из жизни знаменитого автора "Войны и мира", сведения о том, как он живет и работает, в каком кругу вращается, какие произведения искусства особенно почитает, какие мыслители и писатели пользуются его расположением и т.д. и т.д. – все читается миллионами интеллигентных читателей во всем культурном мире, служит предметом разговоров, споров, рассуждений»¹ [6, с. 101].

Вместе с тем общественная и писательская репутация Толстого не была однозначной. С. Франк, анализируя юбилейную литературу о Толстом, был поражен бросающимся в глаза контрастом «между восторженным восхвалением его гения и почти всеобщим равнодушным или отрицательным отношением к его идеям» [7, с. 75].

Следует учесть и такую социологическую особенность, как читательская востребованность сочинений Толстого. По различным данным (например, отчеты библиотек для чтения) именно книги Л. Толстого больше всего заказывались читателями [4, с. 67]. Но в таком случае одна из миссий критики состояла в том, чтобы предложить новым поколениям поклонников Толстого актуальное прочтение его текстов, быть проводником в мире толстовской мысли. Смогла ли она выполнить эту задачу? На наш взгляд, лишь отчасти, по причинам, указанным выше. Тем интереснее попытки в критике начала XX в. преодолеть установившуюся

¹ Почти каждая ежемесячная рубрика «Новости из литературного мира» в «Известиях книжных магазинов т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии» не обходилась без каких-либо сообщений из жизни Толстого.